

DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-10

МОДЕЛИ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Калачикова О.Н.^{*,1}, Короленко А.В.¹

¹ Вологодский научный центр Российской академии наук
(160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, 56-а)

*E-mail: onk82@yandex.ru

Аннотация. Данная работа представляет собой попытку осмысления моделей репродуктивного поведения, которые реализует население России, и роли матримониальных установок в его формировании. Несмотря на то, что в современном мире «облик» и роль легитимного брака меняется, отношение к нему продолжает оставаться важным фактором принятия решений о деторождении. Данный факт обуславливает изучение репродуктивного и матримониального поведения населения в неразрывной взаимосвязи. В статье рассмотрены и соотнесены исторические типы репродуктивного и матримониального поведения. На данных очередной волны социологического мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области, проведенной в 2017 г. ФГБУН ВолНЦ РАН, методом «дерева» принятия решений построены гипотетически возможные и реальные модели репродуктивного поведения. Первые рассматривают мнения индивидов относительно брачных предпочтений, допустимости аборт, желаемого числа детей, тогда как вторые — отражают применяемые ими в реальной жизни стратегии. Установлено, что в настоящее время, как в гипотетических, так и в реальных поведенческих паттернах жителей региона преобладают одновременно традиционные (официальная регистрация отношений с партнером) и современные черты (ориентация на малодетность). Наиболее распространенные среди населения репродуктивные установки в ближайшие десятилетия будут способствовать закреплению малодетности большей части россиян, что приведет к снижению рождаемости. Построение моделей демографического поведения населения позволяет выявить среди населения «категории риска», оценить возможности управленческого воздействия на них, предложить определенные меры государственной политики для обеспечения желательных параметров воспроизводства населения.

Ключевые слова: репродуктивное поведение; матримониальное поведение; «дерево» принятия решений; модели поведения; население Вологодской области.

Одной из ключевых детерминант, определяющих рождаемость населения, а также важнейшим фактором его воспроизводства, является репродуктивное поведение. Под ним понимают систему действий и отношений, опосредующих рождение определенного числа детей или отказ от деторождения, регулируемую биологическими, экономическими, психологическими и социальными факторами [1. С. 5].

Тесно взаимосвязано с репродуктивным брачное или матримониальное поведение, отражающее действия и отношения, связанные с заключением и расторжением браков. От стабильности брачных союзов, удовлетворенности супругов браком зависит готовность к деторождению, а также предпочитаемое (желаемое и планируемое) число детей [2. С. 7].

Вступление в брак или в партнерство, рождение ребенка являются так называемыми статусными переходами, которые качественно меняют жизнь человека, его социальное и экономическое положение. В традиционном обществе эти события были тесно взаимосвязаны и происходили в один период жизни, формируя своеобразный «статусный пассаж», т.е. закономерную череду событий (брак предшествовал рождению) [3].

Вместе с тем в дальнейшем такие переходы стали обособляться, теряя свою взаимообусловленность. В современном обществе роль брака в рождении и воспитании детей постепенно ослабевает. Однако в России отношение к нему продолжает оставаться важным фактором и одновременно индикатором репродуктивного поведения на индивидуальном уровне. Так, например, результаты

наших [1. С. 77] и других исследований [4. С. 177; 5. С. 49] показывают, что репродуктивные установки все еще зависят от семейного положения и отношения к браку: у населения, отдающего предпочтение неформальным брачным союзам, фактические показатели детности и предполагаемое (желаемое, ожидаемое) число детей значительно ниже, чем у тех, кто живет или планирует жить в официальном браке.

Кроме того, согласно данным социологического опроса ВолНЦ РАН почти половина жителей региона (48%) продолжают считать брак обязательным условием для рождения и воспитания детей. Исходя из этого, на наш взгляд, репродуктивное поведение и его компоненты (собственно репродуктивное, абортное и контрацептивное) целесообразно изучать в неразрывной взаимосвязи с матримониальным поведением.

Эволюция матримониального и репродуктивного поведения

Исследователи выделяют три исторически сложившихся типа репродуктивного поведения: многодетное, среднететное и малодетное (табл. 1).

Многодетный тип предполагает полное доминирование установок на деторождение (потребность в 5 и более детях), рождаемость может рассматриваться как приближающаяся или полностью соответствующая естественной.

Среднететный тип является промежуточным и характеризуется потребностью в меньшем количестве детей (3-4 ребенка) вследствие ослабления внутрисемейной мотива-

ции деторождения, постепенного внедрения практик регулирования рождаемости (искусственного прерывания беременности, контрацепции).

Для малодетного типа свойственна ориентация на рождение 1-2 детей, широкое распространение способов внутрисемейного регулирования числа деторождений и планирования беременности.

Типы репродуктивного поведения развивались эволюционно, сменяя друг друга от поколения к поколению и даже медленнее. Нормы многодетности, существовавшие на протяжении большей части истории человечества, были следствием крайне низкого уровня санитарно-гигиенических условий жизни и порождаемой ими смертности на грани естественного отбора. Многодетность была характерна для общества с высокой смертностью, низкой продолжительностью жизни, низкой производительностью труда и неудовлетворенным спросом на рабочую силу. Внутри семьи детность в этот период определялась преимущественно экономическими мотивами, например, потребностью в помощниках для ведения домашнего хозяйства.

В эпоху индустриализации и урбанизации происходит изменение системы ценностей: семья уходит на второй план, ослабевает внутрисемейная мотивация деторождения, женщины помимо традиционных ролей хозяйки и матери приобретают новые, например, работника предприятия, руководителя и т.д. В результате ослабления внутрисемейных ориентаций происходит сниже-

ние потребности в детях, формируется среднедетный тип репродуктивного поведения.

Во второй половине XX века в развитых странах мира, в частности в странах Западной Европы, происходит переход к малодетному типу репродуктивного поведения. В этот период экономическая мотивация деторождения утрачивает силу ввиду преобладания внесемейного характера занятости. Согласно концепции «экономики рождаемости» Г. Беккера, в процессе экономического развития растет цена человеческого времени, а экономический прогресс предъявляет к качеству социализации личности все более высокие требования в части уровня образования, профессиональных навыков и компетенций, уровня доходов и т.д., в результате рождение каждого ребенка влечет большие затраты для семьи, снижает его «предельную полезность» [6]. Как следствие, уровень рождаемости и потребности в детях снижается.

Трансформация репродуктивного поведения в сторону малодетности объясняется и с позиций концепции второго демографического перехода Р. Лестега и Д. Ван де Каа, согласно которой в 60-70-е гг. XX века вследствие широкого распространения индивидуалистически ориентированных ценностей (саморазвитие, повышение уровня образования и квалификации и т.д.), расширения брачного выбора, эмансипации женщин и, как следствие, роста их конкурентных возможностей на рынке труда, и т.д., происходят преобразования норм поведения, в том числе и репродуктивного.

Таблица 1

Исторические типы репродуктивного и брачного поведения населения России и стран Европы
Table 1
Historic types of reproductive and marital behavior of the population of Russia and European countries

Тип репродуктивного поведения	Характеристики	Период	Тип брачного поведения	Характеристики	Период
Многодетное (традиционный тип)	Потребность в 5 и более детях; отсутствие практик регулирования рождаемости (контрацепции, абортов); преобладание экономических мотивов деторождения (дети — рабочие руки, помощники в хозяйстве)	До сер. XIX в. в странах Западной Европы; в России — до сер. XIX — нач. XX вв.	Традиционный (восточноевропейский)	Ранний возраст вступления в брак (менее 24 лет), всеобщность брака, т.е. высокая доля населения, состоящего в браке (более 90%) и низкая доля безбрачия (менее 10%)	До конца XVII в. в странах Западной Европы, в России — до нач. XX в.
Среднедетное (промежуточный тип)	Потребность в 3-4 детях; ослабление внутрисемейной мотивации деторождения; применение регулирования рождаемости (аборты, контрацепция)	С сер. XIX в. в странах Западной Европы, в России зарождается во 2-й пол. XIX в. в городской местности, с 1920-х гг. на основной части страны	Западноевропейский (европейский)	Поздний возраст вступления в брак (старше 24 лет), низкая доля населения, состоящего в браке, высокая доля безбрачия (более 10%)	В Западной Европе и др. развитых странах с конца XVIII — нач. XIX вв. в России — с нач. XX в. до 1940-х гг.
			Послевоенный	Ранний возраст вступления в брак (менее 24 лет), всеобщность брака	В странах Европы после Второй мировой войны (1940-50-е гг.) до 1960-70-х гг., в России — до 80-х гг. XX в.
Малодетное (современный тип)	Потребность в 1-2 детях; планирование беременности; широкое распространение способов внутрисемейного регулирования числа деторождений	С 60-70-х гг. XX в. в Зап. Европе и развитых странах, в России — с конца 60-х гг. XX в.	Современный	Поздний возраст вступления в брак (старше 25 лет), высокий уровень окончательного безбрачия, высокая разводимость	В Западной Европе и других развитых странах — с 1960-70-х гг., в России — с 1980-90-х гг.

Источник: составлена авторами по: [6; 7; 8].

В результате, начинают широко применяться практики ограничения рождаемости и планирования беременности посредством использования средств контрацепции и искус-

ственного прерывания незапланированной беременности. Вместе с этим меняются и представления современных мужчин и женщин о семье и браке, получают распространение

незарегистрированные брачные союзы, вследствие чего растет внебрачная рождаемость, увеличивается возраст вступления в брак.

В России эти изменения начали зарождаться значительно позже — в конце XX века и наиболее ярко проявились к началу 2000-х годов. Такое отставание от развитых государств объясняется как различиями в культурно-историческом развитии, так и отсроченным наступлением *второго демографического перехода* в стране.

В ходе общественного развития изменялись и типы брачно-партнерских отношений населения. Так, в основу типологии брачности Дж. Хаджнала были заложены два признака — возраст вступления в брак и доля населения, состоящего в браке. На основании их были выделены два исторически сложившихся типа: *традиционный (или восточно-европейский)*, характеризующийся ранним возрастом вступления в брак и почти полным охватом браками всего взрослого населения, и *европейский (или западноевропейский)*, для которого свойственно позднее вступление населения в брак и сохранение значительной доли лиц вне брака. Географически граница между двумя разными типами прошла по линии Санкт-Петербург — Триест: западнее ее господствовал европейский тип брачности, а восточнее — восточно-европейский. Позднее М. Митерауэр и К. Казер усовершенствовали модель Хаджнала, добавив в нее «переходную зону» (*переходный тип*) между западным и восточным типом семьи в Европе [7]. Согласно Хаджналу вплоть до XVI века в мире господствовал традиционный тип брачности, однако уже в XVII веке в отдельных стра-

нах Европы зарождается европейский тип [8. С. 149]. Тем не менее, в отличие от типов репродуктивного поведения, историческая смена которых носила необратимый характер, распространение типов брачности в той или иной части Европы менялось со временем, порой в обратном направлении. Например, европейский тип брачности после Второй мировой войны на пару десятилетий сменился *послевоенным* с ранним вступлением в брак и широким охватом населения браком, после чего население (раньше в странах Северо-Западной Европы) вернулось к новому европейскому типу брачности (*современный тип*), который, помимо широкого распространения конечного безбрачия и позднего возраста вступления в брачные союзы, отличается нестабильностью регистрируемых браков и, как следствие, высоким уровнем разводимости населения. При переходе от традиционного и европейского типов брачности к современному ослабевает влияние брачного поведения и состояния в браке на деторождение. Для нового типа брачности в отличие от предшествующих факт вступления партнеров в брак перестает быть ведущим мотивом для рождения и воспитания совместных детей.

Модели репродуктивного и матримониального поведения на индивидуальном уровне

Поскольку модели репродуктивного и брачного поведения на глобальном уровне (макроуровне) сменялись эволюционно и описаны исследователями, то особый интерес представляет изучение моделей по-

ведения отдельных индивидов (на микроуровне). Модели репродуктивного и матримониального поведения на микроуровне представляют собой последовательность реализованных или потенциальных действий индивида относительно принятия важных с точки зрения осуществления репродуктивной функции решений: заключение/расторжение брака, календарь рождения детей, прерывание/сохранение беременности в случае ее нежелательного наступления.

Модели поведения в данном исследовании были условно подразделены на две группы: гипотетические (идеальные) и реальные.

Гипотетические модели рассматривают потенциальные действия индивидов и определяются на основании их суждений и мнений относительно брачных предпочтений, допустимости искусственного прерывания беременности (абортов) и желаемого числа детей (при наличии всех необходимых условий).

Реальные модели отражают стратегии, применяемые в реальной жизни индивидов: характер отношений с партнером (проживание в официально зарегистрированном браке или в неформальном союзе), наличие аборта в анамнезе (для женщин) или в анамнезе у партнерши (для мужчин) и число уже имеющих детей. При построении стратегий не учитывались решения относительно использования средств контрацепции, что связано с достаточно широким распространением среди населения региона контрацептивных практик.

В нашем исследовании для конструирования моделей репродуктивного поведения использовался метод «*дерева*» принятия решений, в основе

которого лежит схематическое построение разветвляющегося по каким-либо условиям последовательного процесса принятия решений (рис. 1). Данный метод используют тогда, когда результат одного решения заставляет индивида принять следующее; это принятое решение, в свою очередь, влияет на принятие третьего, четвертого и т.д., вплоть до достижения конечного результата [10. С. 42-43]. Составными элементами «дерева» решений являются «узлы» и «ветви» вариантов принятия решений. «Ветви» обозначают возможные альтернативные решения, которые могут быть приняты, и возможные исходы, возникающие в результате этих решений. «Узлы» обозначают точки, где принимаются решения.

Построение моделей репродуктивного поведения осуществлялось на основании данных мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области, проведенного в 2017 г.¹ В качестве «узлов» выступали точки принятия решений о заключении брака (отношение к заключению брака), о прерывании нежелательной беременности (отношение к аборту), о количестве детей (желаемое количество детей).

¹ Этап мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области 2017 года проводился ВолНЦ РАН на территории городов Вологда и Череповец и 8-ми муниципальных районов (Великоустюгского, Вожегодского, Кирилловского, Бабаевского, Грязовецкого, Никольского, Тарногского и Шекснинского). Репрезентативность выборки обеспечивалась квотированием по полу и возрасту, равномерным размещением единиц наблюдения, представительным объемом – 1500 человек. Ошибка выборки не превышала 3%.

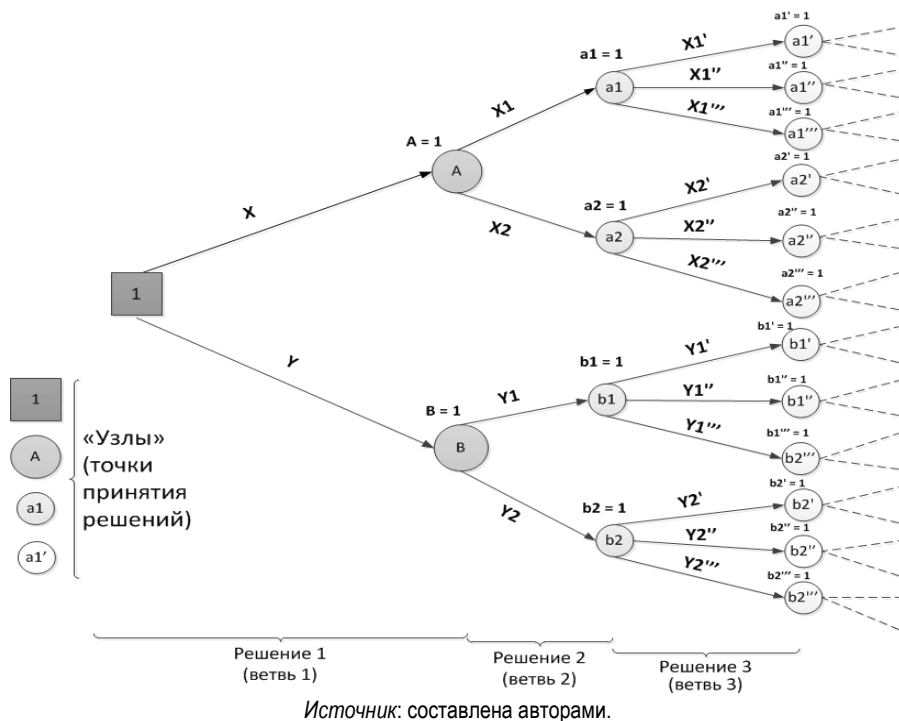

Рис. 1. Схема «Дерева» принятия решений

Fig.1. Decision "tree" scheme

Когда «дерево» было построено, все решения были указаны на нем, просчитывались доли каждого из вариантов и проставлялись над «ветвями». В нашем исследовании веса определялись исходя из распределения ответов респондентов на специальные вопросы анкеты (табл. 2). В соответствии с положениями теории вероятностей каждый «узел» принятия решений брался равным 1, следовательно, каждая «ветвь» приобретала определенный вес, выраженный в долях единицы.

Распространенность моделей репродуктивного и matrimoniaльного поведения, т.е. доля каждой модели в их общем числе, рассчитывалась путем перемножения весов всех «вет-

вей» принятия решений до конечных «узлов» (рис. 1):

$$\omega = X \cdot X1 \cdot X1' \cdot \dots \cdot 100\%,$$

где ω — распространенность модели, $X, X1, X1'$ — веса «ветвей» «дерева» принятия решений (%).

Результаты построения «дерева» принятия решений для гипотетических и реальных моделей позволили выявить для каждого типа 12 основных вариантов стратегий репродуктивного поведения (рис. 2 и 3). Ввиду того, что часть респондентов затруднились ответить на вопрос о том, какой брак они предпочитают (в случае идеальных моделей), или ответили,

что не состоят в брачных отношениях, выбрав варианты «встречаюсь с партнером», «контакты непостоянные, случайные» (в случае реальных

моделей), типы их репродуктивного и брачного поведения в дальнейшем нами не рассматривались и помечались на «дереве» как «другие».

Таблица 2

Показатели для построения гипотетических и реальных моделей репродуктивного и матримониального поведения, %

Table 2

Indicators for constructing hypothetical and real models of reproductive and matrimonial behavior, %

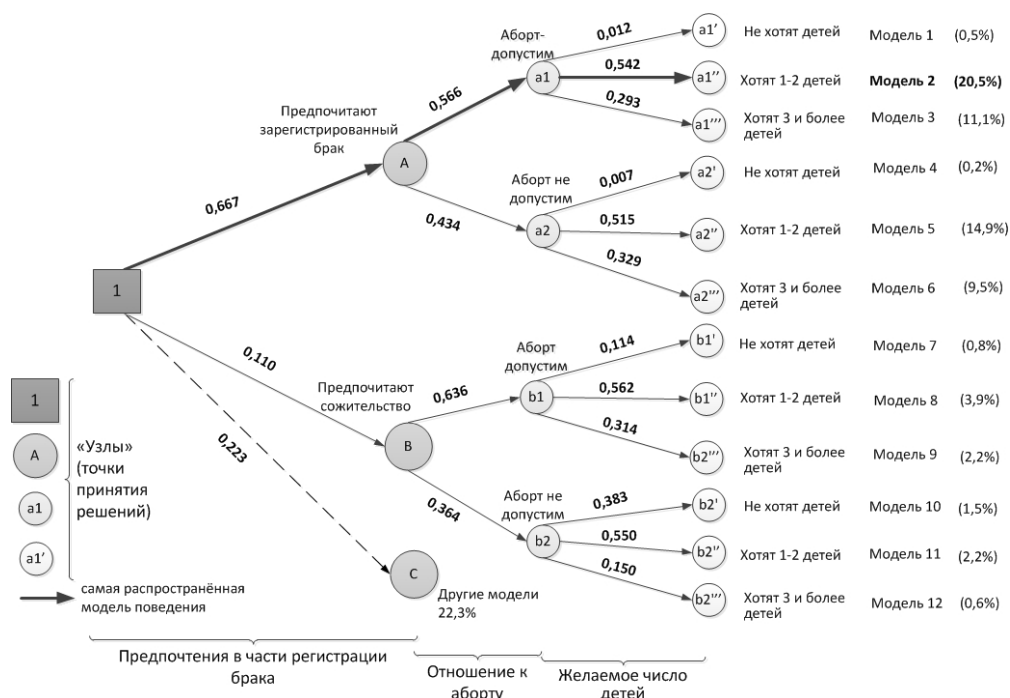
Тип моделей	Вопросы анкеты	Показатели для построения точек принятия решений
Гипотетические	Какому браку Вы отдаете предпочтение?	1) доля респондентов, отдающих предпочтение официально зарегистрированному браку 2) доля респондентов, отдающих предпочтение сожительству
	Считаете ли Вы допустимым искусственное прерывание беременности?	3) доля респондентов, считающих полностью или частично допустимым искусственное прерывание беременности
		5) доля респондентов, считающих недопустимым искусственное прерывание беременности
	Сколько детей Вы желали бы иметь в своей семье при наличии всех необходимых условий? (желаемое число детей)	6) доля респондентов, не желающих заводить детей
7) доля респондентов, желающих завести 1-2-х детей		
8) доля респондентов, желающих завести 3 и более детей		
Реальные	Каков характер Ваших отношений с партнером?	1) доля респондентов, состоящих в зарегистрированном браке 2) доля респондентов, живущих с партнером, но не состоящих в зарегистрированном браке
		4) доля респондентов, делавших аборт (для женщин), партнерши которых делали аборт (для мужчин) 5) доля респондентов, не делавших аборт (для женщин), партнерши которых не делали аборт (для мужчин)
	Сколько детей Вы имеете?	6) доля респондентов, не имеющих детей 7) доля респондентов, имеющих 1-2-х детей 8) доля респондентов, имеющих 3-х и более детей.

Источник: составлена авторами.

Наибольшее распространение среди гипотетических моделей репродуктивного и матримониального поведения населения Вологодской области получила стратегия 2 (21%), для представителей которой характерно предпочтение официальной регистрации брака, лояльное отношение к абортам и малодетные репродуктивные установки (желаемое число детей — 1-2 ребенка, даже при наличии всех необходимых условий) (рис. 2).

15% жителей региона предпочитают легитимный брак, ориентированы на небольшое количество детей в семье (1-2), но искусственное прерывание беременности считают недопустимым (стратегия 5).

Реже всего среди респондентов встречались те, кто ориентирован на официальную регистрацию брачного союза, но считает недопустимым искусственное прерывание беременности, а также не хочет иметь детей (модель 4 — 0,2%).

Источник: расчеты авторов.

Рис. 2. «Дерево» принятия решений для гипотетических моделей репродуктивного и матримониального поведения

Fig. 2. Decision "tree" for hypothetical models of reproductive and matrimonial behavior

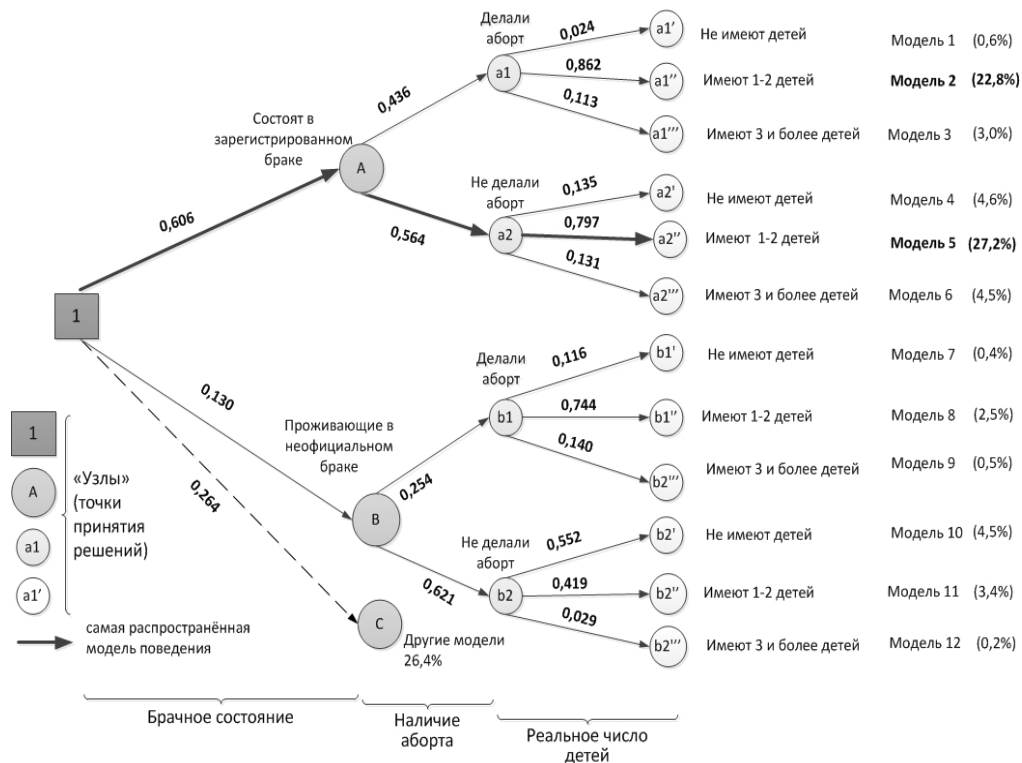
Среди реальных паттернов репродуктивного и матримониального поведения жителей региона наиболее распространенной оказалась модель 5 (27%), представители которой состоят в официально зарегистрированных отношениях с партнером, никогда не прибегали к аборту (для женщин) или партнерша которых (для мужчин) никогда не прерывала беременность, имеют 1-2 детей (рис. 3). Наряду с ней часто встречались носители модели 2 (23%), состоящие в легитимном браке и имеющие 1-2 детей, но хоть раз прибегавшие к искусственному прерыванию беременности (для женщин) или партнерша

которых когда-либо делала аборт. В меньшей степени для населения Вологодской области характерна модель 12, носители которой проживают в официальном браке, сами (для женщин) или их партнерши (для мужчин) никогда не совершали аборт, имеют 3 и более детей.

Таким образом, в настоящее время, как в гипотетических, так и в реальных поведенческих паттернах жителей Вологодской области преобладают одновременно традиционные (установка на официальную регистрацию отношений с партнером) и современные черты (ориентация на малодетность). Кроме того, наблюда-

емое среди представителей наиболее распространенной гипотетической модели (21% населения) лояльное отношение к абортам косвенно сви-

детельствует о собственной готовности применять подобные методы внутрисемейного регулирования рождений.

Источник: расчеты авторов.

Рис. 3. «Дерево» принятия решений для реальных моделей репродуктивного и матримониального поведения

Fig. 3. Decision "tree" for real models of reproductive and matrimonial behavior

Сложившаяся в поведенческих стратегиях населения ситуация, усугубляемая прогнозируемым сокращением численности женских репродуктивных контингентов, в ближайшие десятилетия будет способствовать нарастанию темпов снижения рождаемости в регионе.

Построение моделей демографического поведения населения позво-

ляет не только определить преобладающие установки населения, но и выявить «категории риска», оценить возможности управленческого воздействия на них, предложить определенные направления и меры государственной политики для обеспечения желательных параметров воспроизводства населения.

Литература и Интернет источники

1. **Калачикова О.Н., Шабунцова А.А.** Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы: монография. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. — 172 с.
2. **Калачикова О.Н.** Регулирование репродуктивного поведения населения: состояние и проблемы (препринт). — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. — 129 с.
3. **Митрофанова Е.** Браки, партнерства и рождаемость поколений россиян.] // Демоскоп Weekly. — 2011. — №477-478. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0477/tema01.php> (дата обращения: 9.10.2017)
4. **Архангельский В.Н.** Факторы рождаемости: монография. — М.: ТЕИС, 2006. — 399с.
5. **Синельников А.Б.** Семейные ценности как цель в жизни для законных супругов и сожителей // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 2. — С. 46-59.
6. **Дрепа Е.Н.** Теоретико-методологические подходы к исследованию демографических процессов [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем: электронный науч. журнал. — 2012. — № 9. — Режим доступа: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/9/drepa.pdf> (дата обращения: 9.10.2017)
7. **Артамонова А.** Матримониальное поведение россиян и других европейцев [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. — 2017. — № 737-738. — Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/2017/0737/tema01.php#_ftn1 (дата обращения: 9.10.2017)
8. **Калабихина Е.А.** Исторические типы брачности в Европе // Проблемы народонаселения в зеркале истории: шестые Валентеевские чтения: Москва, 22-24 апреля 2010 г. МГУ им. М.В. Ломоносова: сб. докладов. — Т. 2. — М.: МАКС Пресс, 2010. — С. 148-152.
9. **Бондарская Г.А.** Изменение демографического поведения российских семей за 100 лет // Мир России. — 1999. — Т. 8. — № 4. — С. 58-70.
10. **Яресь О.Б., Паньшин И.В.** Методы принятия управленческих решений: учеб. пособие // Владим. гос. ун-т им. Столетовых. — Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та им. Столетовых, 2011. — 66 с.

Благодарности: авторы выражают благодарность своей коллеге ст.н.с. к.э.н. Е.А. Россошанской за ценные советы и помощь в построении моделей.

Для цитирования:

Калачикова О.Н., Короленко А.В. Модели репродуктивного поведения населения (на материалах Вологодской области) // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 4. — С. 109-121. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-10.

Сведения об авторах:

Калачикова Ольга Николаевна, кандидат экономических наук, заместитель директора, заведующий отделом исследований уровня и образа жизни населения Вологодского научного центра РАН, Вологда, Россия.

Контактная информация: e-mail: onk82@yandex.ru

Короленко Александра Владимировна, младший научный сотрудник Вологодского научного центра РАН, Вологда, Россия.

Контактная информация: e-mail: coretra@yandex.ru

DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-10

**PATTERNS OF REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF POPULATION
(ON THE MATERIALS OF VOLOGDA OBLAST)****Olga N. Kalachikova*¹, Alexandra V. Korolenko¹**¹Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences
(56A Gorky st., Vologda, Russian Federation, 160014)

*E-mail: onk82@yandex.ru

Abstract. The article presents an attempt to comprehend the models of the reproductive behavior of the Russian population, and the role of matrimonial attitudes in its formation. Despite the fact that in the modern world the role of legal marriage in the birth and upbringing of children is gradually weakening, in Russia the attitude to it continues to be an important factor in making decisions about childbearing. This fact determines the study of the reproductive and marital behavior of population in an indissoluble connection. The article considers and correlates historical types of reproductive and marital behavior. On the basis of a regular round of the sociological monitoring of the reproductive potential of the population of Vologda oblast conducted by the Vologda Research Center RAS in 2017, there were constructed hypothetical and real patterns of the reproductive behavior of population by the method of decision-making "tree". The former consider individual opinions regarding marriage preferences, admissibility of abortion, desired number of children, while the latter reflect strategies used in real life. It is found out that at present, in the hypothetical, as in the real behavior patterns of the inhabitants of the region prevail both traditional (official registration of relations with partner) and modern (orientation on few children in family) features together. The most common reproductive attitudes among the population in the coming decades will contribute to reinforcement of the few-children pattern among the most part of Russians that will lead to decline in the birth rate. Construction of models of the population demographic behavior allows identifying "risk categories" among the population, assessing the possibilities of managerial influence on them and proposing certain measures of state policy to ensure the desired parameters of population reproduction.

Keywords: reproductive behavior, matrimonial behavior, decision "tree", patterns of behavior, Vologda oblast population.

References and Internet sources

1. Kalachikova O.N., Shabunova A.A. Reproaktivnoye povedeniye kak faktor vosproizvodstva naseleniya: tendentsii i perspektivy [*Reproductive Behavior as a Factor of Population Reproduction: Trends and Prospects*]. Vologda. ISERT RAN [ISED T RAS]. 2015. 172 p. (in Russ.)
2. Kalachikova O.N. Regulirovaniye reproductivnogo povedeniya naseleniya: sostoyaniye i problemy [*Regulation of the Reproductive Behavior of Population: State and Problems*] (preprint). Vologda. ISERT RAN [ISED T RAS]. 2012. 129 p. (in Russ.)
3. Mitrofanova E. Braki, partnerstva i rozhdayemost' pokoleniy rossiyan [Marriages, Partnerships and Fertility of Generations of Russians]. *Demoscope Weekly*. 2011. No. 477–478. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0477/tema01.php> (Accessed: 9 October 2017) (in Russ.)
4. Arkhangel'skiy V.N. Faktory rozhdayemosti [*Fertility Factors*]. Moscow. TEIS. 2006. 399 p. (in Russ.)

5. Sinelnikov A.B. Semeynyye tsennosti kak tsel' v zhizni dlya zakonnykh suprugov i sozhitel'ey [Family values as the goal of life for legal spouses and cohabitants]. *Narodonaseleniye [Population]*. 2018. Vol. 21. No. 2. P. 46-59. (in Russ.)
6. Drepa E.N. Teoretiko-metodologicheskiye podkhody k issledovaniyu demograficheskikh protsessov [Theoretical and methodological approaches to the study of demographic processes]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem [Modern Research on Social Problems]*. 2012. No. 9. Available at: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/9/drepa.pdf> (Accessed: 9 October 2017) (in Russ.)
7. Artamonova A. Matrimonial'noye povedeniye rossiyan i drugikh yevropeytsev [Marital behavior of Russians and other Europeans]. *Demoscope Weekly*. 2017. No. 737-738. Available at: http://demoscope.ru/weekly/2017/0737/tema01.php_#ftn1 (Accessed: 9 October 2017) (in Russ.)
8. Kalabikhina E.A.. Istoricheskiye tipy brachnosti v Yevrope [Historic types of marriages in Europe]. *Problemy narodonaseleniya v zerkale istorii: shestyeye Valenteyevskiy chteniya [Population Problems in the Mirror of History: the Sixth Valentine Readings]*. Moscow. April 22-24, 2010. MGU im. M.V. Lomonosova [Lomonosov Moscow State University]. Collection of reports. Vol. 2. Moscow. MAKS Press. 2010. P. 148-152. (in Russ.)
9. Bondarskaya G.A. Izmeneniye demograficheskogo povedeniya rossiyskikh semey za 100 let [Changes in the demographic behavior of Russian families over 100 years]. *Mir Rossii [Universe of Russia]*. 1999. Vol. 8. No. 4. P. 58-70. (in Russ.)
10. Yares' O.B., Pan'shin I.V. Metody prinyatiya upravlencheskikh resheniy [Methods of Making Managerial Decisions]. Tutorial. Vladim. gos. un-t [Vladimir State University]. Vladimir. 2011. 66 p. (in Russ.)

Acknowledgements: The authors express their gratitude to their colleague, Senior Researcher E.A. Rossoshankaya, Cand.Sc. (Econ.) for valuable advice and assistance in construction of models.

For citation:

Kalachikova O.N., Korolenko A.V. Patterns of reproductive behavior of population (on the materials of Vologda oblast). *Narodonaselenie [Population]*. 2018. Vol. 21. No. 4. P. 109-121. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-10 (in Russ.)

Information about the author(s):

Kalachikova Olga Nikolayevna, Cand. Sc. (Econ.), Deputy Director, Head of Department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russian Federation.
Contact information: e-mail: onk82@yandex.ru

Korolenko Alexandra Vladimirovna, Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russian Federation.
Contact information: e-mail: coretra@yandex.ru